

О. Тугова
Е. Сафронов

Волжская чайка

online

Олисава Тугова

Волжская чайка online

«Издательские решения»

Тугова О. В.

Волжская чайка online / О. В. Тугова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962818-3

Яшка Чайкин — бывший детдомовец из Саратова. Он служит по контракту на Северном Кавказе и называет себя Волжской чайкой. Вне боевых командировок инструктор по стрелковой подготовке отчаянно ищет смысл жизни и поёт песни под гитару. Главным средством связи с миром для героя становится Интернет. Здесь он отвлекается от суровых будней, находит друзей и любовь. О Яшкиной жизни нам рассказывает его сослуживец — Жека Сафронов. Это дебютная книга автора, вышедшая в 2017 году.

ISBN 978-5-44-962818-3

© Тугова О. В.
© Издательские решения

Содержание

От авторов	6
Пролог	7
Волжская чайка	8
Колыбельная в одиннадцатом квадрате	10
Просто так ничего не дается	12
Я не вернусь	14
Консервы на двоих	16
Здесь и сейчас	19
О судьбе	20
Бог близко	21
Разговор с Богом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Волжская чайка online

Олисава Владиславовна Тугова Евгений Вячеславович Сафронов

Редактор Екатерина Павловна Жирякова

Фотограф Алексей Малый

© Олисава Владиславовна Тугова, 2019

© Евгений Вячеславович Сафронов, 2019

© Алексей Малый, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-2818-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

«Волжская чайка online» – сетевая драма с прологом и эпилогом, круто замешанная на «интернетной» философии. Она ничем не начинается и ничем не заканчивается. Кажется бы, есть главный герой – Яшка Чайкин – и незамысловатая фабула: вчерашний детдомовец, отслужив срочную службу, заключает контракт и остаётся в армии, делает то, что умеет лучше всего – стреляет, но во время одной из спецопераций погибает. Однако ретроспективный сюжет построен не на событиях, а на воспоминаниях о герое и общении с ним в интернете. О его любви, подвигах, привязанностях, дружбе мы узнаем из переписок и коротких психологических рассказов.

Нет ни завязки, ни развязки – всё предьявляется сразу: на первой странице читатель уже знает о том, что главный герой погиб. Единственное действие, за которым можно проследить, – это путь духовного взросления Яшки. «Волжскую чайку» можно сравнить со странным сборником склеенных между собой афоризмов. Здесь не существует даже единой картины мира, есть только призрачные онлайн-осколки, ни во что не складывающиеся и вполне самодостаточные, маркированные банальными категориями: любовь, смерть, жизнь, подвиг, смысл. Перебираясь с одного на другой осколок, идёшь осторожно, как сапёр по минному полю. Вот-вот вырвется всесокрушающая истина. И у каждого она – своя.

Пролог

Апрель усталый сушит у костра берцы, пьёт спиртягу из жестяной кружки. Где-то далеко по-над Волгой обнимаются берёзки-подружки, во всех ложбинках земли талая скучает вода. Ждёт, когда же пустит её в себя земля, питает и напоит ею ростки новые, живые.

Апрель в камуфляже старом, не от Юдашкина, пятнами то тёмными, то светлыми, знаки различия в обманчивых сумерках не разглядеть – всем выйти из сумрака, господа. Хватит на всех работы брать вытаявшего мусора бастионы – до рассветного чистого мая надо много ещё успеть. Кто-то же должен делать эту работу – убирать, что не нужно, что отжило, что под снегом было забыто. Сжигать в костре и пеплом – по ветру. Быстрее, пока есть огонь в крови.

Рыжий Март, солнечный, быстрый, письмо оставил мелом на тёплом асфальте – тонким звоном сосулук – сообщение доставлено. А у Апреля гитара плачет, расстроена, в горах давно позатеряна.

У Марта широкие окна, океаном неба заполненные, его обнимает Бог. Апрель вербу поправил у древней иконы в углу закопчённом случайной какой-то избы.

Март пробурлил, всех любовью и светом спас и улетел туда, где можно душой оттаять. Апрель остался – дорогу чистить и вешки для неразумных ставить.

В вещмешке у Апреля книга – Ремарка, Гёссе, а может, Крапивина, он вспоминает строки хаосом птичьих стай. И самое главное что-то щекочет, – пожалуйста, не улетай – главное – не забылось. Падает снег, как пластырь – временный, чтобы раны земли не воспалились.

Май примчался лихой, озорной, на байке, в наушниках – то ли вальс, то ли рок. В рации у Апреля давно бездонная тишина, в ней тает, хрипит позывной. Скоро там, где сражался Апрель, сирень зацветёт и черёмуха, всем там вдоволь достанет воздуха. А пока никуда не бежать от дневных переходов морока. Песню в зубы – вперёд, да с ветром. Наступаем и сил остаток по капле цедим. Поутру всё в снегу снова. Вьюжит. Тот самый. В висок. Последний.

* * *

Что вы можете знать о Яшке Чайкине? Не думаю, что очень много. В крайнем случае, вам попадалась в 2009 году в одной из северо-кавказских газет небольшая заметка. Она, аккуратно вырезанная, до сих пор хранится у меня в папке с документами. Иногда, позабыв заплатить вовремя за интернет, я судорожно перебираю бумажки в поисках договора о предоставлении услуг связи и натываюсь на листок со статьёй о своём сослуживце. Затем надолго зависаю между строк и мысленно наблюдаю, как небольшого роста солдат в заплётённом камуфляже «берёзка» с погонами старшего сержанта устраивается поудобнее, опираясь спиной на ствол дерева, щурится на лютное южное солнце, под которым его брови и мальчишеский чубчик выгорели до прозрачной белизны. «Привет, Жека! – он махнёт мне рукой. – Что? Снова прошлое догнало?» И я с привычной саднящей болью перечитываю строки, в которых Яшка ещё жив.

Волжская чайка

(газетная статья)

Памятуя о годовщине трагических событий в Южной Осетии, хочется сказать несколько слов о тех, чья заслуга в этой пятидневной войне поистине огромна – о русских солдатах и офицерах, вставших на защиту Цхинвала. Наш корреспондент выехал в одну из воинских частей 58-ой общевойсковой армии, дислоцирующейся во Владикавказе, в которую в пятницу совершил рабочий визит генерал-лейтенант Анатолий Николаевич Хрулёв. Однако не командующий был предметом нашего внимания...

В части проводились плановые стрелковые учения, взводы военнослужащих возвращались с полигона. Мы подошли к одному из сержантов: «Разрешите задать несколько вопросов». Вытирая лицо тыльной стороной ладони, военнослужащий предложил посидеть в тени тополя, что мы и сделали. Нашим собеседником был старший сержант отдельного разведывательного батальона, служащий по контракту. Назвал он себя несколько странно – Яшка Чайкин, не желая, видимо, предавать огласке настоящее имя. На вид ему было чуть за 20, но цепкий, изучающий взгляд говорил о богатом жизненном и воинском опыте, не вязался с мальчишеской внешностью. Разговор получился интересным.

Старший сержант рассказал, что его родина – волжский город Саратов. «Этот город стал мне отцом, а Волга – матерью, и я не чувствую себя сиротой, хотя и вырос в детском доме», – говорил он. За родство с великой русской рекой Яшку и окрестили Чайкой. На Кавказе он служит с 2004 года, сначала как солдат срочной службы, а потом, заключив контракт на 5 лет. «Я остался служить не ради денег, я вижу в армии работу, призвание, это то, что я умею делать, и здесь моё место». Да, это, действительно, его профессия и судьба – защищать родину. За пять лет службы Чайка участвовал во многих военных кампаниях. Разведрота выходит на боевые задания ежемесячно, а иногда и чаще. Яшка – отличник боевой, стрелковой подготовки, сейчас, являясь командиром отделения, обучает нелёгкому ремеслу войны молодых ребят, призванных в ряды Вооруженных Сил. О своих боевых подвигах Чайка распространялся неохотно, за него говорили подошедшие товарищи. Они рассказали, что однажды во время штатного патрулирования территории их вертолёт зацепился за кроны деревьев и упал в зоне предполагаемого нахождения боевиков. Чайка не только сумел спастись и выйти к своим, но и вынес тяжело раненного сослуживца.

Во время событий 08.08.08 разведрота, где служит Чайка, находилась с 8 августа в Цхинвале и координировала – в составе легендарного спецподразделения Алексея Ухvatова – действия 135 мотострелкового полка, пришедшего на помощь попавшим в окружение миротворцам. Тогда обошлось без потерь. Яшка получил лишь лёгкую контузию, когда, выполняя боевую задачу, попал под обстрел грузинской авиации. «Страх, конечно, был, даже не страх... Какой-то ужас и невозможность поверить в происходящее. Уничтожать женщин, детей, стариков... – это выше моего понимания. Я знал, кого я защищаю, знал, что моя помощь нужна и осаждённым миротворцам, поэтому было легче справиться со страхом». Чайка не считает, что совершил подвиг. «Я просто выполнял поставленную задачу – защитить».

Когда мы спросили старшего сержанта о том, планирует ли он вернуться к мирной жизни, когда закончится его контракт, или останется в армии, Яшка улыбнулся такой открытой, мальчишеской улыбкой, что заулыбались все стоящие рядом. «Возможно, я вернусь, если смогу найти себя на гражданке. Война учит ценить мирную жизнь...». А ещё Чайка, как и многие ребята из его роты, поёт и играет на гитаре. В этом году они осуществили шефскую поездку в ДОЛ «Аланский Барс», где порадовали детей не только концертом, но и спонсорской помощью.

Вот такие они – герои настоящего времени. Те, кого война не сделала зверем. Это борцы за мир на Кавказе, выполняющие свой долг и не считающие службу подвигом. Такие, как Яшка Чайкин – Волжская чайка. На прощание мы попросили его спеть песню о себе и своих друзьях. И когда мы уезжали из части, в голове звучали слова:

*Эта боль не утихает,
Где же ты, вода живая,
Ах, зачем война бывает,
Зачем нас убивают.¹*

Мы уезжали, уже зная от командира полка – завтра Президент РФ Д. А. Медведев вручит Чайке заслуженную награду – медаль «За отвагу».

* * *

Я ни разу не видел, чтобы Чайкин надевал награду. Скорее всего, он просто-напросто её потерял в суете командировок и учений – пошарил однажды в недрах походного армейского рюкзака, куда помещались все его пожитки, не нашёл, да и тут же забыл о кусочке бесполезного серебра. Про южно-осетинский конфликт он тоже распространяться не любил. Забылся даже его подвиг во время крушения вертолётa, и лишь немногие помнят липкую тревогу бессильного ожидания: «Выжил там кто? Где их искать? Вышли ли на связь?»

¹ Вадим Егоров «Облака»

Колыбельная в одиннадцатом квадрате

Апрельская ещё молодая листва зеленела где-то внизу, из-за неё горы казались покрытыми каким-то удивительно красивым кружевом – вот брутально высится угрюмая скала, а вот пошли вокруг легкомысленные салатовые финтифлюшки. Вертолёт трещал, как чудовищная железная стрекоза. Яшка сидел у открытой сдвижной двери – чёрный ствол матово перечёркивал весеннее кружево – бортстрелок из Чайкина получался, надо признать, хреновый. А всё потому, что он боялся высоты и никак не мог привыкнуть и сосредоточиться на боевой задаче. Хуже были только прыжки с парашютом: лишь страх позора в глазах боевых товарищей заставлял Яшку шагать в зияющую пустоту. Зато с Чайкиным на борту веселее – над ним подтрунивали, он отшучивался, всё это разряжало серьёзную армейскую обстановку.

Рядовое патрулирование территории. Квадрат за квадратом. Скорей бы посадка. Внезапно раздался лёгкий хлопок, машину закружило, замер перекошенный винт. Наступили секунды такой ужасной в воздухе тишины. Бойцы молча переглянулись. Они всё ещё были вместе, но каждый уже оказался наедине с собой. Вертолёт дёрнуло, как в агонии. Яшку одним рывком выбросило за дверь. Ветренное небо залило всё сознание, вытеснив даже страх.

Очнулся он, лёжа на сухой прошлогодней листве. От упавшей в нескольких сотнях метров машины валил чёрный дым, её окружали сломанные спички деревьев. Неизвестно, сколько прошло времени, пока Яшка понял, что может встать, вытер рукавом кровь, стекающую на лицо, и, прижимая к груди покалеченную другую руку, поковылял к вертолёту, пока набрел на стонущего Саньку, пока убедился, что никто, кроме них двоих, не выжил, пока отыскал свою уцелевшую чудом СВД. Время будто стало бездонным туманом, оно то растягивалось, то сжималось, Яшка, теряя сознание, проваливался во временные дыры и не мог сообразить, сколько же продолжалось беспомыслие – секунды, минуты, часы... Санька сдавленно хрипел, у него отнялись ноги. «Мы находимся в одиннадцатом квадрате, предполагается, что в этой зоне могут скрываться боевики, – припоминал Чайкин карту местности. – Надо уходить отсюда, пробираться к дороге, там больше шансов, что нас первыми обнаружат федералы, а не черти».

Он снял бронезилет – лишняя тяжесть Яшке теперь стала не под силу, – взвалил на себя Саньку, который почти в два раза больше него, и, опираясь здоровой рукой на винтовку, медленно пошёл в направлении дороги. За ними на мокрой лесной земле оставался неровный глубокий след.

Далеко уйти им не удалось. Услышав шорох, Яшка упал вместе с Санькой в куст, уже один перекатился из последних сил. Раздался сухой щелчок выстрела, пуля свистнула где-то совсем рядом. Яшка, не целясь, выстрелил в ответ в скрывающуюся в зелёнке фигуру. Боевик нелепо завалился на бок. Чайкин вжался в землю, ожидая ответного огня, но стояла тишина – человек был один. Дальше пробирались ещё осторожнее. Впрочем, Чайкин понимал, что если на них организуют охоту, ни скрыться, ни отстреляться им не удастся. Однако похоже, что в это время у боевиков были дела поважнее – Яшке везло, только вот каждый шаг давался ему всё труднее. Падая очередной раз лицом в землю, он больше не надеялся подняться, но усилием воли заставлял себя встать, двигался дальше, вглядываясь вниз, чтобы не напороться на растяжку. В этой череде механических болезненных движений все мысли и чувства исчезли, осталось одно лишь желание – выйти к дороге и вынести Саньку. Сознание притупилось.

В эту минуту Яшка будто бы слышал где-то далеко-далеко колыбельную, которую пела мать своему ребёнку. Слов он не разбирал, но мотив действовал успокаивающе, словно обволакивал, дарил любовь и веру в то, что всё будет хорошо... Он пришел в себя от того, что Санька резко встряхивал его: «Не помирай, братишка, надо идти, нас ищут, нас ждут». Судя по всему, в беспомыслии Яшка пролежал долго, рука распухла, дико болело всё тело, но при-

шло подняться... К вечеру они вышли к дороге, где их и подобрали сослуживцы, развернувшие поисковую операцию.

Лежавшему в госпитале Яшке ещё несколько раз снилась эта чудесная колыбельная, но он, как ни старался, не мог утром вспомнить ни мотива, ни слов – оставалось только счастливое чувство защищённости. Вскоре ватаги салажат, приходивших проведать своего старшего сержанта, вытеснили из памяти образ колыбельной. Шумные, как воробы, ребята приносили Яшке кульки с жареными семечками, погружали в поток повседневной казарменной жизни, изобилующей мелкими событиями. Мол, за Санькой обещали прислать из Москвы самолёт, но так и не прислали, зато к нему приехала мать и заберет его домой, как только состояние стабилизируется. Мол, их подвигом интересовалась местная пресса, но начальство решило не давать огласку происшествию.

Колыбельная ушла из памяти, но осела где-то глубоко в сердце, и потом не раз Чайкин пытался подобрать на гитаре чудесную музыку, разбудившую душу, открывшую ему тайну, что человек – это не только страдающее тело, но и маленькая частичка вечной божественной любви.

Через два года, когда уже Яшки не было в живых, Санька, прозванный после вышеописанных событий Вертолётчиком, праздновал свадьбу. Вопреки суровым прогнозам медиков, он сумел подчинить себе непослушные ноги и заново научился ходить. На активную борьбу с недугом его сподвиг пример Яшкиного мужества и воли в борьбе за жизнь. О чудесной колыбельной он, конечно, не знал. Да и мало ли что могло примерещиться воспаленному сознанию его измученного товарища.

* * *

– Почему ты остался в армии? – спрашивал я его неоднократно. – Ну, отслужил бы срочную и – вольная птица, все дороги открыты перед тобой, живи, радуйся, люби, работай. Неужели в этом зажатом рамками казарменном мирке тебе нравится больше?

Я бунтовал, тяготился ролью солдата, не мог смириться, что в армии гибнет всё личностное, индивидуальное, остаются только винтики в жестокой железной машине, которой нет дела до судьбы каждого солдата. Мне хотелось поскорее на гражданку, я не понимал, почему Чайкин подписал контракт.

Яшка был лаконичен:

– Я остался неосознанно. Просто за компанию с другом. Мне некуда было возвращаться. Никто меня не ждал. Из близких людей – разве что тренер. Вот был человечие... В люди меня вывел, не дал погибнуть... Эх...

Просто так ничего не дается

– Яха, за тобой тренер идёт, – злорадно заметил Миха, вальяжно куривший на подоконнике и от нечего делать рассматривающий внизу замусоренный общажный двор.

Чайкин побледнел, остатки вчерашнего хмеля мгновенно вытеснил панический ужас. Спотыкаясь о бутылки, он заметался по комнате. Жалобно заскрипела дверца шкафа.

– Пацаны, не открывайте ему, скажите – нет меня, – послышался из тёмных шкафовых недр сдавленный, прерывающийся шепот.

– Угу, «не открывайте». Дюха ночью по пьяни дверь выбил. Замок вылетел с корнем. Безнадёга, Яха. Шансов нет. Залезь пока под ватник, но я думаю, что он отличит тебя от пальтухи. Да и вахтёрша сдаст, знает, что ты здесь.

– Открывайте, балбесы! – уже раскатисто гремело по коридору.

Миха поспешно потушил свой окурочок. Дверь распахнулась, на пороге возник крепкий мужчина средних лет, красной рукой он приглаживал убелённые проседью волосы, растрепавшиеся от быстрой ходьбы.

– Где?

– Так с учебы ещё не пришёл, – Дюха вытянулся в струнку возле кровати и нервно повел носом.

– Врёте, паршивцы, вы загнули техникум сегодня! – от сочного баса звенели стёкла. Одним рывком гость извлёк обмякшего от страха Яшку из убежища.

– Сергей Валентинович, день рождения праздновали, больше не повторится, клянусь, – лепетал Чайкин, увлекаемый по коридору безжалостной рукой.

– Единственной уважительной причиной неявки на тренировку является смерть, – увещевал седовласый, старательно вымачивая в кухонной раковине под холодной струёй Яшкину голову.

– Посмотри, на кого ты становишься похожим, Яша. Ты теряешь человеческий облик. Превращаешься в обезьяну. Только спорт сможет сделать из тебя человека. У нас соревнования на носу, а ты дурью маешься. Чудак, пойми, из тебя получится замечательный стрелок, даже мастер спорта, если будешь заниматься. Да, это труд. Каждодневный, тяжёлый. Просто так ничего не дается, запомни, – тихо и устало говорил тренер, в который раз уводя под конвоем протрезвевшего и упавшего духом Чайкина в спортзал.

Наверное, что-то разглядел он тогда в этом всеми брошенном шестнадцатилетнем оболтусе, не дал пропасть на дне жизни. Вытаскивал, как утопающего, и по-отцовски жёстко воспитывал, нагружал тренировками, контролировал, иной раз не жалея собственного времени. Ему приходилось даже выручать незадачливого воспитанника из милиции.

– Что ты творишь, Чайкин... Что творишь, – искренне сокрушался Сергей Валентинович, устраивая на ночёвку в своей квартире малолетнего балбеса, только что вызволенного им из милицейского «обезьянника». – Не бормочи мне здесь. Не бормочи. И сопли не размазывай. Покататься им захотелось. Ишь. Угнали машину, бестолочи. А хоть один из вас её водить умеет? Улетели в кювет, конечно, ещё и пьяные вхламину. Хорошо, не покалечились, идиоты. Что делать-то с тобой? Ведь пропадёшь, если за ум не возьмёшься. Это твоя жизнь и никто за тебя её не проживет, цени дар.

Удивлённый вниманием к его, более чем скромной, персоне, Яшка изо всех сил старался соответствовать оказываемому доверию, холодея от страха: а вдруг тренер в нём разочаруется.

Терпение и педагогический опыт одного и упорство другого сделали свое дело. Через несколько лет, ставший инструктором по огневой подготовке, мастер спорта Яшка Чайкин говорил с салажатами-учениками словами своего наставника.

– Надо всё делать, не задумываясь, вы же не думаете, когда бежите, как сгибать ногу, как разгибать. Так и здесь. Пусть оружие станет продолжением вашего тела, срастётся с ним. Но – запомните – это только средство, чтобы попасть в цель. Главный секрет точного выстрела – в вас самих, во внутреннем настрое. Вы не прыгали в детстве по крышам гаражей? Вспомните: ещё до прыжка вы чувствовали, допрыгнете или нет. Воскресите в себе это чутьё. И тогда вам удастся подчинить себе пулю, – вдохновлённые живые слова звучали теперь из Яшкиных уст. Передав эстафету достойному ученику, Учитель с большой буквы покинул этот мир – он был всего лишь человеком, его слабое человеческое сердце, страдающее за каждого воспитанника, не справилось с нагрузкой, остановилось гораздо раньше положенного срока. Недоумевающе смотрели люди на бравого военного с шеvronами военной разведки, по-детски рыдающего на скромном могильном памятнике, не слышали Яшкиных клятв, данных ушедшему любимому человеку, не знали, что огонёк не погас, а с новой силой разгорелся в возмужавшей душе. Ничего не дается просто так. Ничего.

Я не вернусь

Когда куда-то уезжаешь, всегда надо помнить, что не вернёшься назад. Возможно, ты приедешь на оставленное место, но уже будешь другим, да и всё остальное тоже изменится в неумолимом течении времени.

Шумная компания в общаге технаря провожала Яшку в армию. Проводы были затяжные, буйные, ничем не отличающиеся от прочих тусовок. Добрая половина друзей уже напрочь забыла причину попойки, остальные изредка выкрикивали очередное и бессмысленное: «Ну, ты пиши, как там чё!». Яшке и самому не верилось, что он взаправду уезжает, казалось, что вовсе не его позорно отчислили из технаря за систематические пропуски и хроническую неуспеваемость. Завтра кореша без него пойдут шабашить на элеватор, будут разгружать вагоны. Пропьют всё заработанное тоже без него. А его ждёт дорога и снова казённые харчи... Яшка грустил от неизвестности и веселья товарищей.

На полу, прижавшись спиной к стене, сидела девушка. Взлохмаченные крашенные белые волосы падали ей на лицо. Чайкин, решив, что она спит, опустился рядом.

– Яш, я буду ждать тебя и каждый день писать письма, – вдруг тихо сказала блондинка.

Яшка удивлённо заглянул в заплаканные глаза и коротко, хрипло, будто с усилием, проговорил:

– Не надо. Я не вернусь.

Потом он заснул тут же, у стены, разговор растворился во сне и забылся, как забываются многие странные сны.

А она ждала. И писала письма, закапанные слезами, но пустые и глупые – в жизни бедняжки мало что происходило. Все немудрёные записки так и оставались в закрытом ящике письменного стола – девушка не знала адреса воинской части. Со временем это превратилось в привычку, заполняющую вакуум, в дневник, в котором реже и реже появлялись новые записи. Два года прошло. Адресат не вернулся, он остался служить по контракту.

Яшка тосковал лишь о волжских волнах, задыхался ночами без волжского ветра. Волга была его родиной, только она звала его, только её он иступленно жаждал. Бездушный город, давно забывшиеся друзья детства стали полустёртым, размытым фоном мимолетных воспоминаний.

В марте подвернулся обратный попутчик, ехавший в Саратов по делам на старенькой девятке. Сердце Яшки дрогнуло, забилося в одном решении: «Поеду!»

*Прилетел домой, как птица,
Прилетел, как птица, я.
Снял погоны и петлицы
И уже успел напиться —
Демобилизация...²*

Город не ждал его, встретил пустынной утренней набережной с кромкой снега, обелиском, залитым солнечным светом в синеве ясного неба. Но Чайкин приехал не к нему. Он спустился к воде, поспешно разделся и нырнул в объятия матушки Волги. Хохотали-лаляли товарищи, крутили пальцем у виска. А Яшка замер от холода и душевного блаженства. Две минуты.

² Группа «Сектор Газа» «Демобилизация», слова Ю. Клиньских

А впереди ещё целые сутки, чтобы слоняться по городу, обнимать липы, здороваться с каменными развалюхами заброшенного теперь здания общаги.

Саратов не очень изменился, остались прежними друзья – они тащили бухать на загородную хату, в клуб, сауну... Стал совсем другим Яшка. Он почувствовал это, когда оказался в декорациях старого спектакля и понял, что больше не играет в нём никакой роли. «Сеня на зоне, а Дюха спился и помер зимой, у Витьки-наркоши – СПИД, Димона убили», – рассказывали Чайкину в пьяном угаре те, что выжили. Но Яшка мыслями был уже в обратном пути – на чужую землю, но к своему делу, к служебному воинскому долгу. Саратов, наводнённый чужими людьми, тоже стал чужим. Городское дно отталкивало, хотелось поскорее выплыть наверх, чтобы снова не привыкнуть к гнилой среде, не завязнуть в ней, не погибнуть. «У меня есть Волга», – думал Чайкин. И чувство бесприютности покидало, как вытасченная заноза. Прошлое осталось замшелым камнем на дне, не было смысла нести его с собой. Один путь, прямой, как стрела, вёл в будущее. Никто никогда не возвращался назад. «Я не вернусь, – вспомнил Яшка с улыбкой и повторил, – не вернусь».

* * *

Такого упрямо-одинокого человека, наотрез не желавшего привязываться к людям, я встретил впервые. Он прикипел душой лишь однажды – к армейскому товарищу – Лёнке Лису.³

³ Подробнее о судьбе Лёнки Лиса можно прочитать в книге Олисавы Туговой «Когда поёт Лис»

Консервы на двоих

На Тихорецкой была пересадка на московский поезд до Владикавказа. В тёмной ноябрьской ночи плавали коровьи гудки локомотивов, терялись редкие огни. И холод. Просто космический... Но в безвоздушном пространстве не бывает такого пронизывающего чёрного ветра... Аж сносит со стриженной башки серую армейскую шапку. И жрать охота... Блин, как же жрать охота. До тошноты. Бегом, бегом, стоянка поезда три минуты. Яшка, сверкая глазами затравленного волчонка, запрыгнул в нужный вагон. От резкого движения сознание качнулось, и к горлу подпёр комок желчи. В вагоне нечем дышать. Пахнет перегаром, чаем, колбасой и растворимой лапшой... Вошедшие занимают свои места, закатываясь, как шары, – каждый в предназначенную ему лунку.

Яшка присел на свою нижнюю боковушку... Краем глаза заметил – наверху парнишка, бритый затылок беззащитно сверкает белой незагорелой кожей, и ракушка уха. Под столом – кирзачи. На крючке камуфляжный ватник. Тоже призывник... Товарищ по несчастью.

Яшка пристроил свой ватник рядом.

Тронулись, свет от фонаря на станции медленно пополз по вагону. В свете фонаря – два сонных, но любопытных глаза. И снова всё в полутьме.

– Привет, – шёпотом. – Я Лис.

– Привет. Яшка я. Это... Как стол опустить? – Яшке было стыдно, что он не умеет.

– Подними, перекувырни и вбок... Ага... Ты на поезде не ездил что ль? – говорок северорусский, чуть заметно напирает на «о».

– Из Саратова еду, но там у меня верхняя была...

– А раньше?

– Не...

– Погодь, ща матрас скину... Лови.

На Яшку сверху свалился мягкий пыльный рулет.

– Чего у тебя постельного-то нет?

– Не...

– А, ну ничё, утром доедем уже. Перекантуешься.

Яшка снял кирзачи, неумело размотал портянки. Блин, похоже, натёр уже. Зверская обувка. Или умеючи надо...

– Это... Лис... У тебя пожрать ничё нет?

– А сухпай свой умял уже?

– А мне не выдали чего-то. Я не знал, что положено...

– Вот суки, сэкономили, видать. А на дорогу тебе родные хавчика не положили?

– Я как-то не подумал, что ехать долго... Не... У меня это... Нету никого.

– Детдомовский?

– Угу.

– Ну так я тоже, – Лис улыбался от уха до уха. В Яшку полетела банка тушёнки и кусок чёрного хлеба.

– А это... Ножа у меня нет.

– У меня тоже отобрали. Не положено. Ну ложка есть? Ложкой открой.

– И ложки нет...

Лис свесился вниз, глянул насмешливо:

– А чего у тебя есть?

– Да ничё нет... Сказали, вещей не бери, всё равно отнимут... – Яшка жевал хлеб, прижимал к груди консерву и улыбался виновато.

– Ммм, ясно... – Лис легко оказался внизу. Ложка в руке – как нож у защитника Севастополя. – Давай откроем.

Установил банку на сиденье, бухнулся на коленки в проход и зашаркал по круглому рубчику крышки, крепко вцепившись в горбатую спинку ложки.

Намял прогиб, дальше – до дыры. Выступил сок. Прогнать разлом вкруговую – по рубчику... Яшка втянул воздух носом и сглотнул слюну:

– Уже больше суток не жрал...

– Ну ты ваще... – Лис комментировать дальше не стал, сунул ему ложку и открытую банку. Поднялся.

– Пойду за кипятком схожу, БП-шку тебе забодяжим.

– М?

– Ну бомж-пакет... Лапшу, короче... Самое то в дороге.

Вагон раскачивало. Сытый Яшка засыпал. Но одна мысль его всё же тревожила.

– Слышь, Лис... А на Кавказе же... Там еще война... И вообще. Как деды встретят.

Не боишься ты?

– Ну есть чуток, – Лис помолчал немного и продолжил еле слышно:

– Главное – разуть пошире уши и глаза, впитывать всё, что делают, говорят. Смотреть, как надо и как не надо. Выучить Устав и понять правила игры. Тогда можно будет начать выигрывать... Если ровня полезет – тогда драться. Сразу. Если старшие – терпеть и продолжать осваивать особенности выживания. Главное – не давать гнобить себя тайком. Скандал – так скандал. И не крысятничать, конечно. Прорвёмся, Яшка. Ты в рожу дать сможешь?

– Рукопашкой немного занимался...

– Во. Значит, точно прорвёмся. Теперь нас двое.

Сквозь морок сна Яшке мерещились бороды моджахедов в седых и острых горах... Прикольный Лис этот. Запасливый, толковый, всё-то знает, всё-то у него есть... Умеет с комфортом устроиться. Откуда он сам... Забыл спросить...

Поезд вспарывал темноту ночи и нёсся всё ближе, ближе к горным вершинам. До самого неба. И стремглав вниз. Нёс во чреве новые жертвы богу войны. И двух улыбающихся во сне мальчишек.

* * *

С тех пор они всё делили на двоих: и насмешки сослуживцев, и безразличие командиров, и осеннюю грязь, в которой порой увязали по уши, и припрятанную из сухого пайка банку сгущёнки, и крохотный чинарик, звёздочкой горевший в темноте ноябрьской холодной ночи... Их было двое, и это помогло им выжить, не загнуться на больничной койке от дизентерии, не остаться на дне бесконечного окопа, не упасть в горное ущелье, не быть забитыми на учениях по армейской рукопашке, избежать шальных пуль на полигоне... Лис и Чайка были в одной связке, и тяготы военной службы не сломили их.

А когда Лис решил остаться служить по контракту, Яшка, не сомневаясь ни секунды, заявил, что останется тоже, ведь ему всё равно некуда возвращаться, заявил, запрятав где-то в глубине потемневших глаз тоску по голубому волжскому простору и цветущим липам.

Так разведгруппа спецназа пополнилась не одним, а двумя бойцами. Надо признать, им не было равных. Лис и Чайка не провалили ни одного задания, работая плечом к плечу, поодиночке они не существовали, напрочь забывали о себе, думая только о поставленной задаче. Им не требовались переговорные устройства – они умели понимать и чувствовать друг друга без слов, что делало их тандем практически неуязвимым. Яшка-снайпер стрелял. Лис прикрывал.

Даже сны они видели одинаковые – то беспросветно-серые, то кроваво-бурые, полные криков, стонов, взрывов и боли, то бесконечно-светлые, ласковые, как блики на воде матушки Волги, качающей на руках своих сыновей – Лёньку и Яшку.

Здесь и сейчас

Группу спецназа снова куда-то перекидывали. Машина плавилась от жары, бойко подпрыгивала на рельефной местности. Сквозь разорванный брезент виднелось голубое небо, мелькали в полосах яркого света цветущие деревья. Воткнув один наушник старенького плеера, Чайкин слушал чьё-то лиричное завывание и мечтал. Мечты, как мухи, крутились вокруг ласковой блондинки, мягкой постели и холодной окрошки. Глядя на Яшкину отрешенно-блаженную физиономию, Лёнька не стал отказывать себе в удовольствии вывести друга из зоны комфорта. У него было такое хобби – расширять кругозор Чайки и крушить иллюзии направо и налево.

– Яшка, ты когда-нибудь думал, сколько времени мы реально живем?

– Чё? – Яшка потянул наушник вниз.

– Ну, типа сколько времени мы проводим здесь и сейчас, не отвлекаясь на мысли о прошлом или будущем?

– Эм...

– Ты, к примеру, сейчас мыслями где был? Хотя ладно, не отвечай, по слюням вижу. В общем, не здесь, а в будущем, которое, может, никогда не наступит. Или в прошлом, которого уже нет. И так всю жизнь – то планы человек строит, то вспоминает о чём-то. Не живёт на самом деле. А только думает, что живёт. Раз его вымышленная реальность от настоящей отличается, то и счастливым он никогда не станет – всё будет счастья ждать.

– А мне норм, – Яшка собрался воткнуть наушник обратно.

– Ага, но когда ты почувешь, что реальность не совпадает с мечтами, ты будешь ныть, что никого у тебя на белом свете нету, жрать охота и жить скучно.

– И чё с этим делать?

– Буддисты говорят: «Моешь чашку – мой чашку». Это практика осознанного существования. То есть ты делаешь только то, что делаешь – ни больше, ни меньше. Весь осознанно находишься в процессе: и телом, и умом. Не витаешь в облаках. Идёшь куда-то – просто иди и смотри на дорогу. Если ешь – то хомячь и радуйся, что тебе судьба хлеб насущный послала, а не размышляй, что хотелось бы чего повкуснее. Тогда и перестанешь крутить свой клубок иллюзий, увидишь много плюсов в сиюминутной жизни.

– Это каких?

– Ты пока живой и здоровый. Такая красотища через дыру в брезенте виднеется. Можно ехать, любоваться, радоваться, что на такой красивой земле живём, дышим, ходим, и не париться ни о чем. Вот тебе и счастье. Самое настоящее.

– И давно ты буддистом стал?

– С тех пор, как в напарниках с тобой.

– Везёт тебе, братишка, по жизни.

– Точняк! – Лёнька дёрнул к себе второй наушник и тоже стал слушать музыку.

О судьбе

Яшка с Лёнкой были на учениях. В горах. Учения – не боевые действия. Братишки зафилософствовались и не заметили, как вышли на маленькое пастбище, где бабушка-божий-одуванчик сторожила козочек. Чайка излагал Лису великие истины:

– Правда ли то, что всё predetermined, и мы только отыгрываем уже написанный сценарий? Это капец скучно. Думаю, что наша судьба, как дерево – линии жизни растут, будто ветки. И есть такие ключевые развилки – это точки выбора. То есть, ты должен выбрать, куда дальше, от этого зависит то, что произойдет потом. Будущее predetermined, но его predetermined мы сами. Такие «рогатки» – это поступки и мысли. Мысль материальна и обладает большой силой, это действующий механизм, импульс. Подумаешь о чём-нибудь, а оно потом происходит. Думаешь о хорошем, фильтруешь мысли, контролируешь их – всё отлично, а как закрадываются диверсанты – мысли о плохом, так пиши пропало. Кажется, не желал человеку зла, просто беспокоился о нём, куда, мол, он запропастился, – и нафантазировал страшилок. И вышло, что навредил тому, о ком беспокоился – неудачу притянул.

– А Бог? – спрашивал Лёнька.

Яшка терялся, не знал, что возразить, шипел и бранился.

Бабушка, слушавшая беседу, переходившую в спор, предложила выпить молока и, когда разгорячённые друзья подошли, сказала:

– Полно, не ругайтесь. Вы даже не знаете о том, что с вами будет завтра. Скоро ты, старший сержант, покинешь этот мир, а ты, снайпер, отправишься ему вослед. Успевайте пожить, чтобы потом не раскаиваться, слова – пыль, их развеет ветер вместе с вашим прахом.

Чайку с Лисом будто облили холодной водой, они хотели узнать больше, но старуха не прибавила ни слова. Светило летнее рыжее солнце, зеленела трава, в скорый конец существования совсем не верилось. Но слова прорицательницы запали им в души. И не раз вспоминались потом, быть может, этим самым позволяя предсказанию сбыться. Во что веришь, всегда сбывается.

Бог близко

На войне и в тюрьме Бог близко.

Где-то Яшка услышал это и запомнил намертво. Фраза всплывала в его сознании часто, успокаивала и ободряла. «Пофиг, прорвемся. Зато Бог близко».

*В штабе небесных войск
Третий день льёт дождь,
Кто сказал – в небесах не бывает дождя?⁴*

Чайка с Лисом мокли в горах, ночью зуб на зуб не попадал, в полдень от живой земли и от тел шёл пар, а камни нагревались так, что на них, казалось, можно поджарить яичницу. Потом опять разверзались небеса, становилось душно, как в тропиках. Они, не успев просохнуть, вымокали снова.

В одну из таких ночей Яшка не смог заснуть в холодной каменной нише, где братишки нашли временный приют. Сидел снаружи под дождем и смотрел, как горит импровизированный светильник – налобный фонарик, надетый на полторашку с водой. Он не слепил глаза, завораживал мягким рассеянным светом, согревал, размягчал душу. «Бог близко», – сам не заметил, как прошептало. Напарник Лёнька появился внезапно из разбухшей от дождя тьмы, хмыкнул и погасил фонарик, залезая в нишу.

– Он-то близко. Но ты от Него далеко.

Яшка сконфуженно повернулся спиной к выходу и пробормотал, возражая:

– Если Он близко ко мне, то и я близко к Нему. Всё относительно.

– Вот я сейчас за твоей спиной. Ты меня видишь? – серьёзно спросил Лёнька.

– Нет. Но я знаю, что ты тут.

– С Богом то же самое. Чтобы стать ближе, к Нему надо идти или хотя бы смотреть в его сторону. А сейчас Он с тобой, но ты, дурак, не с Ним.

Чайкин крепко задумался над словами напарника и о том совсем не богоугодном деле, которое называется война.

А когда уходили в мокрую розоватую вату утреннего тумана, спросил:

– Делать-то что надо, чтобы идти к Богу или хоть смотреть в Его направлении?

Лёнькины слова рассыпались эхом над пропастью бесплодных камней:

– Деревья сажать!

* * *

С тех пор о Боге Яшка стал задумываться часто и крепко. Записывал в потрёпанный блокнот какие-то молитвы. Но однажды, когда ротный, матерясь по-чёрному и брызжа слюной, распорядился:

– Сегодня чтобы все были в гарнизонном храме! Служба будет для вас – полудурков. Кто не придёт – лично на каждое рыло рапорт составлю – будет сидеть «нарядный» до самых праздников!

Яшка, неожиданно для всех, наотрез отказался. За что сполна огрёл.

– Почему, не пошёл-то? Ты же веришь в Бога? Из-за того, что все эти гарнизонные службы – «на публику»? – выпрашивал я, недоумевая.

⁴ А. Павлова «Небесный штрафбат»

Чайкин перестал надраивать «очко» в сортире, шлёпнул в ведро тряпку, сел на подоконник и медленно ответил – то ли мне, то ли развивая мысль, пойманную за хвост:

– Вера – это такой маленький огонёк, который горит в душе, и только от тебя зависит, большой и яркий он у тебя или искорка всего. И нет смысла никому о нём говорить, он только твой, потому что от тебя, в конце концов, только он и останется. А религия – это, ну свечка что ли. Ты за неё денег заплатил и ходишь с ней у всех на виду, и другие ходят. А она у тебя, может, и не горит вовсе – не умеешь, нечем зажечь. Нафига тогда надо всё это...

Наш разговор о Боге возобновился намного позднее, когда я уже был на гражданке, а Яшка вдруг заявился ко мне в гости.

Разговор с Богом

Я жил тогда в счастливом-пресчастливом Божиим мире. Мог встать на рассвете, выйти на крыльцо и слушать пение птиц до тех пор, пока оранжевые солнечные лучи не становились ярко-жёлтыми и горячими. Душа моя также постепенно наполнялась восторгом и благодарностью Творцу: «Слава тебе, Господи! Да будет воля Твоя!» – благая мысль растворяла всё сознание радостной негой. Я блаженно вставал на колени в храме и повторял сердцем: «На всё воля Божия», улетал выше и выше, ощущая свою покорность и преданность создателю. «На всё воля Божия», – говорил я, когда посреди весенней непролазной от грязи дороги у меня ломалась машина, с миром и любовью в сердце ремонтировал её, уже никуда не спеша, наслаждался отрешённостью от мирской суеты. «На всё воля Божия», – произносил я в телефонную трубку. На другом конце линии плакали, кричали, моя душа наполнялась скорбью, но крепла вера. Во всём положившись на Божию волю, я был счастлив, каждую секунду осознавая, что, грешный и недостойный, я на ладонях милосердного и любящего Творца. Одна библейская истина билась пульсом во мне – мудрые заповеди, ключ к жизни праведной, остальное – не мне решать в мире Бога, где я всего лишь гость временный и стану прахом земным, главное – сохранить в чистоте вечную душу.

Яшка приехал внезапно, на перекладных – они тушили пожары в Воронежской области. Он настолько не вписывался в мою отрешенную и гармоничную систему мировосприятия, что я поспешил защититься от той боли, которую он нёс, спрятаться, как ребенок – закрыть глаза ладошками, думая, что стал невидимкой. А Яшка не мог быть не на одной волне с собеседником, он опускался в моё счастье и производил там расходящиеся круговые волны, как брошенный в озеро камень. В глазах снайпера отражались сотни смертей, сотни спасенных и сотни погибших друзей. «На всё воля Божия», – пытался вернуть я своё растворяющееся счастье, опускался на колени и молил о спасении заблудших и невинных душ. Яшка был беспощаден, разбивая всё одним лишь словом: «Ответственность». Мы до поздней ночи играли с ним в словесные догонялки. Я прятался от него, он догонялся водкой, тоже стараясь притупить боль.

Яшку шатало, но он одним уверенным движением завёл мотор моего байка в последнем своём аргументе: «Садись, ты же считаешь, что на всё воля Божия. Но человеку дан выбор. Бог не спасает. Никогда. Спасает только вера. И хватит ли твоей веры для спасения, зависит только от тебя».

И я уже привычно доверился Господу, сел сзади. Яшка с места выжал скорость. Мы понеслись сквозь ночь. И вот тогда вылез предательский, телесный, панический страх смерти. Почему? Откуда? Ведь если ты полностью доверяешь Богу и веришь в бессмертие души, то страха быть не должно. «Господи, укрепи веру мою», – шептал я. Но страх всё усиливался, я понимал, что вера моя ничтожна, оставалось только молиться. И вдруг – как молния, мысль – блаженное стояние на коленях не достойно сына Божия – вера укрепляется в жизни мирской и страданиях мирских, в помощи ближнему, а уйти от всего, положившись на Божию справедливость, – это самообман, потому что не святой я, и страх смерти у конечной черты будет ужасен, ибо неукрепленная вера слаба. И всего только безответственным рабом был я всё это время, из малодушия старавшимся избежать выбора, бежавшим от тех, кому бы мог помочь, оставляя это на волю Бога, не понимая своим умишком, что возможность помочь, данная мне – это и есть проявление воли Божией. И в ночь на байке – это не доверие Богу, это малодушное искушение и проверка своей шаткой веры, это вызов – «спасёт-не спасёт». И тогда я понял, что сейчас достоин умереть в страхе и боли, что сейчас Яшка не впишется в поворот или мы попадем под гремящую рядом фуру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.